

Фейерверк был подготовлен тщательно: один затухал в небе, и тут же рядом расцветал другой. Ни один уголок не оставался в забвении, повсюду царили тепло и оживление.

Потрясающе.

Сы Ханьцзюэ поднял лицо, в его зрачках отражались яркие вспышки.

Он никогда не видел такого грандиозного фейерверка. Каждый клочок неба, куда падал взгляд, был поглощен огненным потоком, водопадом из салюта. Они освещали черное ночное небо, прогоняли молчаливый холод, залечивали пустоту в душе, взрываясь в его глазах ослепительными сияниями.

Они были не слишком близко и не слишком далеко, сохраняя идеальную дистанцию — не создавая ощущения отчужденности, но и не вызывая настороженности из-за близости. Легкий запах серы в воздухе не был резким, а все, что видел глаз, было наполнено совершенным сиянием.

Фейерверк длился добрых десять минут, прежде чем медленно угас в глубоком взгляде Сы Ханьцзюэ.

Он смотрел на рассеивающиеся вдалеке огни и чувствовал, как теплеет у него внутри.

Представление еще не закончилось.

Пока Сы Ханьцзюэ был поглощен великолепным фейерверком, после оглушительного грохота раздался тонкий, нежный голосок, звучавший крайне осторожно.

— С днем рождения тебя...

— С днем рождения тебя... С днем рождения тебя...

Детский, молочно-милый голосок пел запоздалую поздравительную песню. Тан Сяотан выглянул из-за рога единорога, из-за того самого рога, что, по легенде, может разгонять тьму, и пропел последнюю строчку, четко выговаривая каждое слово.

— С днем рождения хозяин...

Взгляд Сы Ханьцзюэ стал серьезнее.

Розовый мармеладный мишка, уцепившись за рог единорога, изо всех сил старался смотреть в глаза хозяину, вытянул маленькую ручку и изящно исполнил поклон принца.

— Хозяин... с днем рождения...

Ушки Тан Сяотана нервно прижались назад, маленькие ручки сцепились. Он достал из своих трусиков то самое прослушивающее устройство, которое Сы Ханьцзюэ никоим образом не мог найти.

— Я... я добрый сахар...

— Я... я пришел защищать тебя...

Тан Сяотан шмыгнул носом.

— Ты хочешь послушать? Ты... ты не боишься меня? Ты не откажешься от меня?

Маленький сахар дрожал от напряжения всем телом.

Тан Сяотан тревожно и беспокойно следил за выражением лица Сы Ханьцзюэ.

Напряжение достигло предела, маленький мармеладный мишка вот-вот превратится в твердую карамельку.

То прослушивающее устройство лежало между ними — черное, маленькое, словно бомба замедленного действия, готовая в любой момент разрушить все это.

Взгляд Сы Ханьцзюэ был спокоен. Его и без того более темные, чем у обычных людей, глаза в свете карусели казались бездонными, как холодное озеро, будто в них бушевала метель, от которой у Тан Сяотана похолодела спинка.

Мармеладный мишка поставил ножки вместе, подошвы выгнул. Поскольку пальцев у него не было, он не мог понять, что значит скребсти на месте, но это чувство, будто тебя судят, было ужасным!

Круглые глазки то и дело украдкой поглядывали на хозяина, взгляд был неуверенным, испуганным, плечики съежились. В затянувшейся тишине он не выдержал и осторожно отставил одну ножку чуть назад, еще чуть-чуть...

Он уже почти сделал ножницы, пухлое тельце качнулось, стало трудно удерживать равновесие.

Сахар уже приготовился к бегству!

Сы Ханьцзюэ вдруг тихо рассмеялся. Улыбка замерла в уголке губ и тут же исчезла.

Тан Сяотан широко раскрыл глаза, пытаясь поймать взглядом исчезнувшую улыбку.

Если сахар не ошибался, хозяин... подтрунивал над ним?

И был доволен?

Сы Ханьцзюэ взял то прослушивающее устройство, стал вертеть его в пальцах. Черный прибор мелькал между пальцами, описывая замысловатые круги. Он смотрел сверху вниз на мармеладного мишку.

— Все это сегодня — твоя организация?

Тан Сяотан потер ручками, опустил взгляд на розовые ножки.

— Тебе... тебе понравилось?

— Идея моя, но организовывал большой союзник, — Тан Сяотан не смел присваивать все заслуги и поспешно объяснил. — Большой союзник просто супер!

— Большой союзник?

Сы Ханьцзюэ приподнял бровь. Отлично, выходит, некоторые узнали, что сахар умеет говорить, раньше него.

Сы Ханьцзюэ наклонился, его темные зрачки оказались на одном уровне с мармеладным мишкой. Из-за волнения можно было разглядеть мелкие вздохи, поднимавшие грудку мишки, а на остреньком носике заметна была пылинка — просто до смерти мило.

Крошечный сахар стоял в бескрайнем море волшебных огней, его чистейшее маленькое тельце было окутано мягким сиянием, словно маленькое солнышко, излучающее соблазнительное тепло. Среди рассыпанных звезд он был подобен несравненной красоте этого мира.

От внезапного приближения Сы Ханьцзюэ мармеладный мишка округлил ротик, его глазки вдруг съехались к переносице, сосредоточив все внимание на темных, ленивых глазах хозяина.

А?

Кажется, хозяин меня не очень боится?

Тан Сяотан потер ручками, медленно подтянул отставшую далеко назад ножку.

— А я-то думал... — В уголке губ Сы Ханьцзюэ играла улыбка. Он протянул палец, ткнул в гладкую круглую головку мармеладного мишки, сжал губы, проглотив оставшуюся часть фразы.

Когда в его жизни впервые начались странности, он думал, что кто-то вторгся. Постепенно он понял, что эта сущность, вторгшаяся в его жизнь, не имеет злого умысла и, более того, неуклюже и мило заботится о нем.

Постепенно исчезающие головные боли, спокойный и крепкий сон, бумажный стаканчик, преградивший путь осколкам, выдавленная на щетку зубная паста в ванной, одеяло, брошенное ночью, шпион, поваленный на пол.

И тщательно подготовленное море огней в парке развлечений.

Первоначальный шок постепенно улегся. Сы Ханьцзюэ все больше чувствовал, что это вернулась душа Тан Тана.

Это вернулась душа Тан Тана.

Просто в облике конфетки.

Он мягко улыбнулся, скрестил руки на груди, положил красивый подбородок на предплечье. Мерцающий свет очертил мягкие и спокойные контуры красивого, резкого лица мужчины. Во взгляде мужчины таилась влажная улыбка.

— Как тебя зовут?

Тан Сяотан отпрянул на шаг, изо всех сил ухватился за рог, чтобы устоять, широко раскрыл глаза. Неуверенная, но радостная догадка медленно, словно отблеск света, проступила в его взгляде.

— Меня зовут Тан Сяотан! — Мармеладный мишка выпрямился, в его глазах расцвели один за другим маленькие радостные цветочки, тонкий голосок набрался уверенности и прозвучал звонко. — Можешь звать меня Сяотан!

— Это имя ты сам себе дал? — спросил Сы Ханьцзюэ.

Теплое дыхание, подобное легкому ветерку, коснулось тельца Тан Сяотана. Мармеладный мишка глубоко вдохнул, его робкое тельце выпрямилось. Врожденная теплота и привязанность к Сы Ханьцзюэ мгновенно развязали ему язык.

— Не знаю. Я просто проснулся и уже знал.

Именно так.

Во взгляде Сы Ханьцзюэ сгустилась дымка.

Тан Сяотан опустил голову, застенчиво перебирая ручками, послушно и честно рассказывая все, что знал, будто готов был преподнести на ладошке свое конфетное сердечко. В его молочно-сладком голоске скрывалась маленькая радость.

— Как только открыл глаза, я уже знал, что меня зовут Тан Сяотан, и знал... знал, что ты мой... хозяин!

Хозяин?

Улыбка в глазах Сы Ханьцзюэ стала еще ярче.

Забавно.

Мармеладный мишка, набравшись смелости, сделал два шажка вперед и внезапно, словно в атаке, протянул ручки, обнял хозяина за подбородок и звонко чмокнул — чмок!

Добившийся успеха в внезапном нападении мармеладный мишка развернулся, топ-топ-топ убежал за рог и спрятался. Его хохолок и ручки, все четыре конечности, изо всех сил пытались прикрыть глазки и пылающие щечки.

Ай, как же стыдно сахару!

Глупый сахар закрыл лапками лицо, но все его маленькое тельце краснело с заметной скоростью.

Такое прямое и смелое признание действительно озадачило Сы Ханьцзюэ.

Нежное ощущение длилось меньше секунды, но сладкий аромат и младенческая мягкость прикосновения, словно гром, долго не умолкающий в облаках, оглушительно прокатились в голове Сы Ханьцзюэ.

Какая-то конфетка растаяла в глубине сердца, превратившись в сладкое озерцо.

Он глубоко вдохнул, изо всех сил стараясь сдержать нахлынувшую боль и нежность в груди, протянул правую руку, сложив четыре пальца вместе, и изящно подал ее мармеладному мишке.

— Не составишь ли ты мне компанию в танце?

Тан Сяотан замер. Круглые глазки наполнились влажной дымкой. Он радостно расхохотался, широко раскрыл маленькие ручки и бросился на ладонь Сы Ханьцзюэ.

Хозяин не боится сахара! Хозяину тоже нравится сахар!

Сладкая привязанность получила ответ. В сердце Тан Сяотана одно за другим расцветали цветы. Он знал, хозяин — самый сладкий!

Мармеладный мишка, держась за палец Сы Ханьцзюэ, пустился в пляс. Музыка зазвучала, словно журчащий ручеек, а карусель медленно поплыла вперед.

<http://bllate.org/book/15589/1395448>